

День первый

Митрофан

Рабочее утро понедельника старший следователь Митрофан Васильевич Голушко начал, как всегда, с завтрака. По устоявшейся за много лет привычке, войдя в кабинет, он первым делом достал из портфеля бумажный сверток, в котором лежало несколько кусков сыра с плесенью и десяток постных крекеров, положил его на стол, сам уселся на стул и приготовился трапезничать. Обычно стоило ему достать еду, как в кабинет кто-нибудь вламывался, как правило, это был старший опер Леха Смирнов, лучший друг Голушко. Но сегодня ни одна душа не потревожила Митрофана. Он спокойно достал свой завтрак, разложил его на салфетке, заварил себе травяного чая и приготовился поесть, но... Аппетита не было! Та еда, которой он был верен многие годы, вдруг перестала вызывать в нем положительные эмоции. Раньше у него слюнки текли при одном виде вкрапленной в сыр зеленоватой плесени, а теперь Митрофан не чувствовал ничего. Хотя есть хотел! Со вчерашнего вечера Митрофан выпил только стакан кефира, и желудок утробным урчанием напоминал Голуш-

ко о том, что надо бы его чем-нибудь заправить. Митрофан поднес ко рту кусок сыра, но через секунду с отвращением вернул бри на салфетку...

«Сальца бы сейчас! — впервые за сорок с лишним лет возжелал Голушко. — С черным хлебушком. А еще картошечки жареной, селедки с луком и стопку водки!»

Эти мысли были настолько нетипичны для него, что сравнить их можно было только с богохульными высказываниями праведника. Митрофан терпеть не мог сало, крайне редко ел жареное, к селедке был равнодушен, а водку не пил вовсе. Так с чего вдруг возник этот порыв отравить свой организм всякой вредной гадостью? Ну просто токсикоз какой-то!

— Добрейшего утра вам, драгоценный Митрофан Васильевич! — донеслось со стороны двери. Подняв глаза от не вызывающего ничего, кроме тоски, завтрака, Голушко увидел входящего в его кабинет Леху. — Трапезничать изволите?

— Угу, — без энтузиазма ответил Митрофан и, сунув в рот кусок сыра, стал его вяло пережевывать. — Хочешь со мной?

— Это? — поморщился Леха. — Не, Мить... Этого не хочу. Сальца бы!

— Я б тоже не отказался, — вздохнул Митрофан.

— Вот ты и прокололся! — радостно вскричал Леха. — А ведь столько лет уверял меня, что его не ешь.

— А я и не ел никогда... Но сегодня вдруг про-

било... — Голушко с тоской посмотрел на сыр, затем на Смирнова. — У тебя нет случайно кусочка?

— Не-а...

— А что есть?

— Бутерброды с колбасой... — Видя, как оживился старший следователь, Леха сразу же предостерег: — Только булка сдобная с изюмом, а колбаса с жиром.

— Отлично, неси!

— Да у меня с собой! — обрадовал Митрофана товарищ. Он поставил на стол заплечную сумку и достал из нее полиэтиленовый пакет. В нем стопочкой лежали бутерброды с недорогой вареной колбасой, вид которой обычно вызывал у Голушко приступы тошноты, а нынче — зверский аппетит. — Ты что, и вправду будешь это есть? — недоверчиво спросил Леха, когда Митрофан потянулся к бутерброду. Никогда раньше он не видел, чтоб Голушко употреблял в пищу нечто подобное. — И не стошнит?

— Нн-не-а, — невнятно ответил тот, вгрызаясь в угощение.

— Да, Митя, совсем ты плохой стал, — покачал головой Леха. — Худеешь вон не по дням, а по часам... Не заболел ли?

Голушко и вправду худел просто на глазах. От рождения он был крупным, ширококостным, мясистым (пошел в мать, которую никогда не видел — она спихнула новорожденного сына отцу, карточному шулеру по кличке Базиль), а после двадцати стал неумолимо обрастать жирком. Из-за этого к

тридцати годам Митрофан превратился в бугая со свисающим на ремень брюк животом и очень походил на одного из персонажей картины Сурикова «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». И не только из-за комплекции, но еще из-за вислых усов, лысины и налитых щек. Тот, кто не знал Митрофана, мог принять его за обжору и пьяницу, тогда как он был трезвенником и ел, словно птичка. Но при этом оставался толстым и красномордым на протяжении полутора десятков лет. Леха, знакомый с ним все это время, уже и не представлял товарища другим, но в последнее время стал замечать, что Голушко стремительно терял вес и здоровый цвет лица. И если новоявленную бледность можно было еще как-то объяснить: масса тела снизилась, давление вошло в норму, — то отчего Митрофан «таял», Леха не мог взять в толк. Рацион его питания не изменился, спортом он заниматься не начал, таблетки тайские принимать тем более, но сальцо с боков старшего следователя испарялось и испарялось...

Заболел, наверное.

— Мить, правда, что с тобой, а? — обеспокоенно спросил Леха. — Может, глисты?

— Дурак ты, Смирнов, какие глисты? Откуда?

— Из плесени твоей... — Он ткнул пальцем в сыр. — Грязь и несвежие продукты — источник всякой заразы!

Митрофан закатил глаза. Он уже устал объяснять Смирнову, что плесенью сыр искусственно начиняют, а не он сам ею покрывается от долгого

лежания. Что же касается всякой заразы, то, по мнению Голушко, гораздо вероятнее ее подцепить, поедая дешевую колбасу, к коей Леха питал необъяснимую слабость. Неизвестно, из чего ее делают. Ладно, если из бумаги, а то, может, из крысятинны какой...

— Лех, а из чего эту колбасу производят? — запоздало испугался Митрофан.

— Да из окорочков, наверное, штатовских, — пожал тот плечами. — Ну а для вкуса чесночку добавляют да перчику... — Видя, что Голушко вновь принимается за бутерброд, Леха, пока тот не подчитил весь его завтрак, ухватил одно колесико колбаски и отправил в рот. — Слушай, Митя, я тут супругу твою видел и прям не узнал... Округлилась так... Похорошела... Не знал бы я, что твоя Марго чистый ангел, решил бы, что она из тебя, как вампир, кровушку высасывает... Ну или скандалами до истощения доводит... Сама-то вон какая справная стала, а ты сдуваешься на глазах!

— Лех, я тебе сейчас одно признание сделаю, только ты никому, ладно?

— Ты че, кому? Я могила...

— Марго беременна!

— Да ты что? — радостно подпрыгнул на стуле Леха. — И на каком она сроке?

— Уже шестой месяц!

— Надо же, а я живота не заметил!

— Он у нее маленький, незаметный. Только если разденется, видно...

— Ну, даешь, хохол! И молчал ведь...

— Сглазить не хотел... У нее угроза выкидыша была все это время... — Митрофан тяжело вздохнул, отложив в сторону последний недоеденный бутерброд. — Ты же знаешь, она у меня не самая крепкая и здоровая женщина в мире...

Леха это знал. А также историю знакомства Митрофана с будущей женой. Произошло это два с половиной года назад. Марго тогда работала в элитном борделе «Экзотик», а Митрофан вел дело об убийстве проституток этого самого борделя. Первой погибла гермафродит Афродита, второй толстуха Венера, третьей жертвой могла стать карлица Марго, но благодаря старшему следователю Голушко (а в большей степени его отцу Василию Дмитриевичу) девушка осталась жива. Тут бы всем порадоваться, но Митрофан, влюбившийся в опекаемую им Марго, никак не мог переступить через себя и связать свою жизнь с бывшей проституткой. Марго же не желала оставаться карлицей до самой смерти и пошла на мучительную операцию по наращиванию конечностей. В общем, воссоединились влюбленные только спустя полгода, но зато почти сразу поженились и зажили всем на удивление¹...

Вот только детей завести у них не получалось.

Врачи говорили, что причина в Марго, но при этом успокаивали ее тем, что таким женщинам, как она, с «детским тазом», вообще беременеть про-

¹ Подробно об этом читайте в романе О. Володарской, «Последнее желание гейши». Издательство «Эксмо».

тивопоказано — не разродишься. Однако она готова была рискнуть, лишь бы подарить супругу наследника (или наследницу — Митрофан, собственно, больше хотел девочку), любимому свекру внука, ну и себе, конечно, отраду...

Но не получалось! Целый год не получалось.

— Я, Лех, так за нее беспокоюсь, — продолжал Митрофан. — У нее первые три месяца токсикоз жуткий был. Рвало не переставая, а теперь приступы обжорства... Главное, раньше ела как Дюймовочка, отец ее насильно кормил, а теперь как слепая лошадь... Все ест, что не приколочено... А потом мучается! То изжога, то колики...

— Изжога — к волосатому младенцу, — со знанием дела изрек Смирнов. У него было двое сыновей, так что в вопросе деторождения он считал себя опытным человеком. — А колики у всех беременных бывают, так что не переживай!

— А я переживаю, — вздохнул Митрофан. — Папаня тоже волнуется... Как клушка над Марго трясется... Уж как рыбалку любит, ты знаешь, а этим летом только на утреннюю ездил, чтоб Марго не оставлять без присмотра...

— Так ты вроде вчера по телефону мне говорил, что Василь Дмитрич укатил на Волгу на все неделю...

— Ну да, уехал. Взял лодку надувную, палатку, снасти и рванул... Но только после того, как я жену в дом отдыха отвез.

— В какой такой дом отдыха? Ты мне ничего не говорил...

— «Эдельвейс» называется.

— Ни фиги себе! — присвистнул Леха. — Крутейшее местечко! Путька туда стоит, как тур по Европе! — Смирнов подозрительно прищурился. — Ты, Митя, что, взятки начал брать?

— С ума сошел?! — возмутился Голушко.

— Тогда откуда бабло? Тридцатку на путьку при нашей-то зарплате выкружить никак невозможно!

— Мне она за три с половиной тысячи досталась!

— Бро-ось, — протянул Леха недоверчиво.

— Да точно тебе говорю! Десять процентов плюс налог...

— С каких это пор МВД стало оплачивать путьки в буржуйские дома отдыха? У нас вроде были только в ведомственные санатории... И то по большому благу!

— Да мне «горящую» предложили! Буквально за несколько часов! Позвонили вечером, спросили: «Хочешь завтра жену в дом отдыха отправить?» Ну, мы с отцом посоветались и решили, что идея хорошая...

— Кто предложил?

— Председатель нашего профсоюзного комитета. А отказалась от путьки безызвестная тебе Катерина Сергеевна Пухлова.

— Какая еще Пухлова? Знать такую не знаю...

— Лех, да ты что? Это ж секретарша генерального прокурора!

— Ах, Катюня! Ее-то, конечно, знаю! Она у нас

личность, не побоюсь этого слова, звездная... — Видя, что Митрофан не совсем понимает его мысль, Леха пояснил: — Бессменная секретарша всех прокуроров. И по совместительству любовница! Она на своей должности уже восемнадцать лет. Прокуроры за это время менялись раз пять, а Катюня... как константа! Бабе за сорок, а все еще умудряется своих начальников раскручивать не только на секс, но и на нехилые подарочки! Один ей квартиру выхлопотал, второй дачу, третий машину помог купить... Вот и нынешний наш прокурор, Слонов, Катюню не обижает! Нам, значит, путевки в ведомственные клоповники, а ей в буржуйский «Эдельвейс»!

— Название только какое-то идиотское, — заметил Голушко.

— Почему это?

— Насколько я знаю, эдельвейс — это горный цветок...

— Ну да...

— А дом отдыха находится далеко не в горах... Расположен он на берегу Волги, уместнее было бы его «Кувшинкой» назвать... Или «Ивушкой» какой-нибудь...

— Скажешь тоже — «Кувшинкой»! — фыркнул Смирнов. — Это тебе детский сад, что ли? А «Ивушка» только для забегаловки, где пиво в розлив продают, подходит! Пафосные дома отдыха должны красиво называться! «Эдельвейс» звучит недурственно, как раз под стать местечку...

— Да, местечко замечательное! Я когда Марго

туда отвозил, просто диву давался... На территории фонтаны, всякие беседки, бассейн с горками, карусели... К реке лестница ведет, а у причала скутеры, моторки и даже катера. Все в прокат дают...

— Эх, покататься бы на катерке! С ветерочком! Я ведь умею им управлять... Сам знаешь, когда-то речное училище окончил!

— Аренду не потянешь. Я ради интереса спросил, сколько стоит, так чуть не поперхнулся: два часа — десять тысяч!

— Месячная зарплата, — тяжело вздохнул Леха.

— А еще в залог оставить надо какую-то невероятную сумму... Ну, если ты сам за штурвал встанешь... По нашим с тобой деньгам там только катамараны. Марго у меня, кстати, очень любит на них кататься...

— А номер у нее хороший?

— У нее даже не номер, а целое бунгало!

— Ого!

— Да, Леха, представь себе. Там, кроме главного корпуса, еще есть отдельные домики. Маленькие, но очень уютные. А какой с веранды чудный вид на реку открывается...

— Все, Голушко, хватит меня травить! Я тоже в «Эдельвейс» хочу. Хоть одним глазком взглянуть бы, как там что...

— Ладно, поеду Марго навещать — тебя с собой возьму.

— Заметано! — возликовал Леха.

Тут у Митрофана затренькал сотовый телефон. Взглянув на экран, он с улыбкой сказал:

— А вот и батя! Суток не прошло, как уехал, а уже звонит...

— Соскучился.

— Как же — соскучился, — фыркнул Митрофан. — Контролирует! Как маленького... — И, нажав на кнопку приема, сказал в трубку: — Привет, папа, как рыбалка?

— Здорово, сын, — отозвался Василий Дмитриевич. — Да не очень, знаешь ли...

— Что так? Клев плохой? Хотя ты ж на сетку ловишь, так что...

— Мить, я тут труп нашел, — прервал его Базиль.

— Чей? — опешил Митрофан.

— Труп мужчины. Лет эдак сорока. Судя по всему, это отдыхающий из «Эдельвейса».

— И где ты его нашел?

— На катере, принадлежащем дому отдыха... — И добавил после паузы: — Высылай бригаду, похоже, его убили...

Базиль

Убрав телефон в карман, Базиль вновь посмотрел на покойника. Тот лежал со вскрытыми венами на запястье в наполненной водой ванне. Естественно, голый. Мускулистое, немного заплывшее жирком тело начало синеть, но Базиль хорошо рассмотрел на шее кровоподтек. Он запросто мог появиться после того, как «самоубийца», начав отключаться, уронил голову на край ванны, но Го-